

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

О КАНІАНІИ 1863 ГОДА ПРОТИВЪ ПОЛЬСКІХЪ МЯТЕЖНИКОВЪ.

VII (*).

Утромъ 7-го іюня, въ Кельце обнаружилось необыкновенное движеніе; на каждомъ перекрестіи показались солдаты и, по ихъ насмѣшливымъ взглядамъ на проходившихъ поляковъ, можно было догадаться, что произошло что-то особенное, отъ чего полякамъ не можетъ быть весело.

— Слышали вы новость? спрашиваютъ другъ у друга встрѣчающіеся офицеры.

— Какую новость?

— Бончу убили.

— Не можетъ быть!

— Правда! сейчасъ пріѣхали жидаы изъ Сташова.

Оказалось, что Бонча былъ убитъ 6-го іюня. Наканунѣ онъ перешелъ изъ Келецкаго въ Стопницкій уѣздъ и ночью напалъ на д. Павловице. Помѣщикъ этой деревни, нѣкто Орачевскій, кажется, родной племянникъ графа Веліупольскаго, не доставилъ когда-то по требованію мятежниковъ десяти корцевъ овса, за что подлежалъ суду народоваго жонда. Подобные суды, какъ мы уже заявляли прежде, отличались скорымъ рѣшеніемъ и немедленнымъ приведеніемъ онаго въ исполненіе. На дворѣ уже ставили вистѣлицу и ксендзъ, по приказанію Бончи, исповѣдовалъ Орачевскаго, читалъ надъ нимъ отходныя молитвы, когда къ крыльцу подкатила дорожная коляска и изъ нея вышелъ человекъ, потребовавшій немедленнаго свиданія съ Бончею. Это былъ извѣстный въ краѣ помѣщикъ Руссоцкій,

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 года, №№ 8—11 и 1868 года, №№ 3 и 11.

семидесяти-лѣтній старикъ, командовавшій полкомъ еще въ революцію 1831 года. Руссоцкій объявилъ напрямикъ, что прѣехалъ спасти Орачевскаго, и что въ противномъ случаѣ, не выходя изъ комнаты, будетъ стрѣляться съ Бончею. Напрасно послѣдній протестовалъ противъ непрошеннаго заступничества: энергическая рѣчь Руссоцкаго, исполненная нескрываемаго презрѣнія къ тѣмъ, кого въ глубинѣ души, быть можетъ, и онъ считалъ когда-то призванными спасти отечество (*), произвела на всѣхъ такое впечатлѣніе, что Бонча, освободивъ Орачевскаго, приказалъ садиться на коней и двинулся на Гуры. Въ то время, какъ Бонча приближался къ Гурамъ, рота Галицкаго полка и полусотня казаковъ, подъ командою поручика Плескачевскаго, случайно подошли съ другой стороны и захватили квартиргеровъ Бончи. Тотчасъ были приняты мѣры для скрытаго расположенія войскъ во ржи и въ паркѣ, окружающемъ господскую мызу. Къ сожалѣнію, планъ, состоявшій въ томъ, чтобы впустить мятежниковъ во дворъ и затѣмъ напасть на нихъ со всѣхъ сторонъ, не вполне удался, потому что пѣхота слишкомъ рано открыла огонь. Бонча, ѣхавшій впереди, въ открытомъ экипажѣ, палъ пораженный первою пулею, а мятежники повернули назадъ и понеслись къ Хробженскому лѣсу, поражаемые пѣхотою и преслѣдуемые казаками; ожесточившіеся солдаты въ плѣнъ никого не брали и трофеями отряда были только 8 повозокъ, множество оружія и 32 лошади (**).

Со смертію Бончи, шайка его разсѣялась и край нѣсколько успокоился (***) ; но вскорѣ полковникъ Звѣревъ, командовавшій войсками въ Стопницкомъ и Сандомірскомъ уѣздахъ, донесъ, что, по свѣдѣніямъ, до него дошедшимъ, въ Галиціи опять формируются банды.

(*) Нельзя не замѣтить, что изъ старыхъ революціонеровъ 1831 года почти никто не принималъ участія въ послѣднемъ возстаніи. Эти люди, какъ будто стыдился повстанцевъ и нерѣдко выражались о нихъ слѣдующимъ образомъ: „Какіе это повстанцы? Что это за войско, которое прячется въ болотахъ и бѣжитъ при первомъ извѣстіи о появленіи русскихъ? Они только храбры передъ мужиками и женщинами, которые не могутъ обороняться. Это просто „лайдаки“, не заслуживающіе ни малѣйшаго вниманія. Обидно и смѣшно видѣть, какъ предводитель шайки, какойнибудь *галганъ*, никогда ни чѣмъ не командовавшій, называетъ себя генераломъ и разѣзжаетъ въ перьяхъ на шляпѣ и съ лентою черезъ плечо“....

(**) Съ нашей стороны ранены въ этомъ дѣлѣ четыре солдата.

(***) О важности истребленія этой шайки можно судить по тому, что поручиву Плескачевскому пожалованъ былъ за это дѣло чинъ штабсъ-капитана и орденъ св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ.

Слухи о новомъ намѣреніи инсургентовъ вторгнуться въ царство Польское носились уже давно, и еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда по Вислѣ открылись броды, полковникъ Звѣревъ, для лучшаго наблюденія за переправами, нашелъ необходимымъ раздѣлить всю береговую линію на четыре участка (*) и перевести лейбъ-эскадронъ Новороссійскаго драгунскаго полка въ м. Паланецъ, откуда, какъ изъ центральнаго пункта между городами Стопницею и Сандоміромъ, онъ долженъ былъ содержать разъѣзды по Вислѣ и служить подкрѣпленіемъ ближайшимъ кордонамъ. Въ мѣстахъ, удобныхъ для переправы, расположились наблюдательные посты изъ объѣзчиковъ, которые иногда усиливались охотниками изъ преданныхъ намъ крестьянъ. Длинная цѣпь этихъ постовъ, расположенныхъ безъ всякой взаимной связи между собою, образовала кордонную линію, растянутую болѣе чѣмъ на сто верстъ и мало пригодную даже для того, чтобы во время сообщать о случившемся. Лошади у объѣзчиковъ были изнурены и подбиты отъ усиленныхъ разъѣздовъ; самые посты были слабы, резервы малочисленны и расположены на значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго (**), что, какъ увидимъ, лишало ихъ даже возможности поспѣвать своевременно на помощь къ атакованнымъ пунктамъ. Кромѣ того, мы не имѣли хорошихъ лазутчиковъ, а потому не знали, что дѣлается въ Галиціи. Въ послѣдствіи офицеры Галицкаго полка, сами, переправляясь за Вислу, собирали свѣдѣнія о бандахъ и доставляли полковнику Звѣреву и некоторую возможность принимать охранительныя мѣры, чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ.

Къ концу мая одѣлалось извѣстнымъ, что всѣ приготовленія мятежниковъ были окончены и что переправу надо ожидать со дня на день. Рассказывали даже, что одна изъ партій, проходя на сборное мѣсто черезъ дер. Болѣховицу, пыталась захватить австрійскія орудія—фактъ, указывающій прямо на то, что въ австрійскомъ войскѣ были люди, готовые, такъ или иначе, содѣйствовать польской инсуреціи (***).

(*) 1-й участокъ простирался отъ Корчина (при впаденіи въ Вислу рѣки Ниды) до Ратая и былъ порученъ майору Рагозъ; 2-й, отъ Ратая до Кошвеницы, майору Новороссійскаго драгунскаго полка Загряжскому; 3-й, отъ Кошвеницы до Сандоміра, майору Чеславскому, и 4-й, отъ Сандоміра до Завихвостя, майору пограничной стражи Пешенину.

(**) Резервы эти были расположены въ Корчинѣ, въ Стопницѣ, въ Паланцѣ, въ Сташовѣ, въ Сандомірѣ и Завихвостѣ.

(***) Еще во время стычки съ Лангевичемъ подъ Гебултовымъ, перехваченъ

Въ такомъ положеніи были дѣла до 8-го іюня.

Въ этотъ день, вечеромъ, къ намъ прибылъ изъ Сташова транспортъ, а вслѣдъ за нимъ отъ полковника Звѣрева при- скакалъ нарочный съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Сего- дня, т. е. 8-го іюня, утромъ, рота поручика Бремина, вы- сланная изъ Стопницы на пограничную черту, внезапно ата- кована сильною бандою, переправившеюся черезъ Вислу. Чѣмъ кончилось дѣло — еще неизвѣстно. Я выслалъ изъ Сташова стрѣлковую роту съ нѣсколькими казаками, но она едва ли успѣетъ придти на помощь во-время, а между тѣмъ отовсюду получаютъ свѣдѣнія о намѣреніи мятежниковъ начать пере- праву и на другихъ пунктахъ“.

Такъ какъ въ Сташовѣ, окруженномъ лѣсами, оставалась только одна рота, то генералъ Ченгери, для поддержанія рас- положенныхъ по Вислѣ отрядовъ, тотчасъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Маіору Загряжскому, только что прибывшему съ транспор- томъ, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты и взвода драгуновъ, изъ Сташова, слѣдовать форсированнымъ маршемъ обратно въ Сташовъ черезъ Першвицу.

Командиру Новороссійскаго драгунскаго полка, полковнику барону Таубе, со взводомъ стрѣлковъ, съ 6-ю стрѣлковою ротою Смоленскаго полка и эскадрономъ драгуновъ, идти въ Ендрижievъ, съ тѣмъ чтобы, присоединивъ къ себѣ распо- ложенный тамъ отрядъ капитана Яковлева (*), на слѣдующій день двинуться въ с. Гуры, куда въ то же время маіоръ Штольценвальдъ долженъ былъ направить роту изъ Мѣхова.

Подполковнику Сухонину, съ двумя ротами, взводомъ стрѣл- ковъ и полусотнею казановъ, слѣдовать черезъ Лаговъ и Ра- ковъ къ Стопницѣ.

Главная колонна, въ составѣ четырехъ ротъ, сотни каза- ковъ, двухъ батарейныхъ и двухъ наръзныхъ орудій, подъ личнымъ предводительствомъ генерала, должна была направиться

былъ пакетъ, въ которомъ, между прочимъ, заключался поздравительный адресъ диктатору, окончивавшійся запросомъ опредѣлить время, когда должны присоеди- ниться къ нему военные заговорщики Галиціи. Такъ какъ въ числѣ подписавшихъ адресъ были два командира австрійскихъ наръзныхъ батарей, то это обстоятель- ство, сдѣлавшись извѣстнымъ военному вачальству Галиціи, вызвало съ его сто- роны энергическія мѣры къ арестованію заговорщиковъ.

(*) Отрядъ капитана (Новороссійскаго полка) Яковлева высланъ былъ изъ Кельце въ началѣ іюня и состоялъ изъ роты пѣхоты и полускадрона драгуновъ.

въ Хмільникъ и оттуда дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ.

Отряды выступили въ ночь съ 9-го на 10-е іюни.

Вскорѣ получены были успокоительныя извѣстія отъ полковника Звѣрева, увѣдомлявшаго о блистательномъ исходѣ дѣла между Комаровомъ и Слупцами и о совершенномъ истребленіи переправившейся партіи.

Вотъ нѣкоторыя подробности этого дѣла.

Въ началѣ іюни значительныя банды Іордана стали приближаться къ Вислѣ, съ намѣреніемъ перейти границу. Переправа назначалась на 8-е іюня. Въ этотъ день Вонча долженъ былъ сдѣлать нападеніе на Палаецъ, чтобы лишить эскадронъ возможности препятствовать переправѣ. Съ этою цѣлью Вонча уже перешелъ изъ Келецкаго въ Стопницкій уѣздъ, но за два дня до переправы былъ убитъ.

На разсвѣтѣ 8-го іюня, мятежники, подъ начальствомъ Повея, переправившись черезъ Вислу двумя колоннами, у Комарова и Жабцеъ, внезапно атаковали 9-ю роту Галицкаго полка, стоявшую въ Комаровѣ.

При первыхъ выстрѣлахъ тревога распространилась по всей кордонной линіи и три взвода лейбъ-эскадрона Новороссійскаго полка первые понеслись къ Комарову (*). На пути, верстахъ въ десяти отъ Паланца, около деревни Слупцы, занятой уже непріателемъ, драгуны были встрѣчены выстрѣлами, а потому, обогнувъ прибрежный валъ, посланали берегомъ Вислы (**).

Съ берега перекаты ружейной пальбы, производившейся у Комарова, слышались довольно явственно; но густой, осѣдавшій дымъ, застигалъ окрестность: видѣлись только поля, покрытыя высокими, колосившимся хлѣбомъ, да обрѣсывавались сѣрыя избы деревни, окруженной толнами въ бѣлыхъ, синихъ и красныхъ конфедераткахъ....

Когда драгуны подходили къ Комарову, 9-я рота, выдерживавшая въ продолженіе трехъ часовъ нападеніе непріятеля и разстрѣлявшая почти всѣ патроны, находилась въ критическомъ

(*) 4-й взводъ, какъ было сказано, находился въ отрядѣ, конвоировавшемъ транспортъ изъ Сташова въ Кельце.

(**) За валомъ (устроеннымъ вдоль Вислы для обезпеченія мѣстности отъ наводненія) драгуны увидѣли небольшія, по всей вѣроятности, отсталыя партіи инсургентовъ, которые отдыхали съ поразительною безпечностью. Внезапное появленіе эскадрона заставило ихъ обратно переправиться черезъ Вислу, при чемъ многіе утонули.

положеніи. Инсургенты готовились уже къ приступу, какъ вдругъ толпы ихъ заколебались, отхлынули назадъ и послышался крикъ: „Dragonu! Dragonu!“....

Помощь поспѣвала какъ нельзя болѣе кстати. Разсказываютъ анекдотъ, какъ иногда случайное обстоятельство поражаетъ павическимъ страхомъ цѣлыя массы. Позади эскадрона, въ облакахъ пыли, скакала телѣга, нагруженная артельными котлами и запряженная шестерикомъ цугомъ. Едва этотъ поѣздъ, гремя и сверкая, выяснился изъ-подъ пыли, какъ инсургенты, принявшіе его за орудіе, крикнули: „Ranowie—amatal“ (господа—пушка!)—и все обратилось въ бѣгство.... Воспользовавшись этимъ, 9-я рота, вмѣстѣ съ драгунами, ударила на бѣгущихъ и отбросила ихъ къ Вислѣ, гдѣ, не поцавъ на бродъ, инсургенты вынуждены были спастись вплавь и большею частью утонули.

Пораженіе Попеля заставило мятежниковъ, находившихся въ Слупцахъ подъ начальствомъ Струйскаго или Стройновскаго, броситься къ сѣверу и занять д. Залѣсье, куда прискакалъ и Попель съ нѣсколькими десятками бѣглецовъ, уцѣлѣвшими отъ разгрома и истребленія его шайки.

Въ это время подоспѣла изъ Стояницы 11-я рота Галицкаго полка, подъ командою маіора Рагозы (*), выбила инсургентовъ изъ Залѣсья и преслѣдовала ихъ на Пшечувъ и Лубницу. Въ Лубницѣ подоспѣли драгуны, прискакавшіе отъ Комарова и, отбросивъ непріятеля на чистое поле, стали кружить его почти на одномъ мѣстѣ, не давая разбѣгаться по сторонамъ, тогда какъ пѣхота, продолжая безостановочное наступленіе, буквально разстрѣливала банду своими стрѣлками. Воль-

(*) Рагоза въ 8 часовъ утра получилъ извѣстіе о нападеніи на Комарово. Въ Стрпницѣ, въ это время, находилось много подводъ, на которыя пріѣхали солдаты, вытребованные случайно изъ деревень для передачи какихъ-то распоряженій, и которыми воспользовался Рагоза для передвиженія роты. Разсказываютъ, что городскіе жители, провожая отрядъ, не скрывали радостныхъ чувствъ по поводу надеждъ на уснѣхъ переправившихся бандъ. Цѣлый день они пировали въ цукернѣ; много было выпито вина, много высказано надеждъ, много произнесено тостовъ—и все понапрасну! Къ вечеру вернулся Рагоза и привелъ съ собою 104 человека павнныхъ.

Замѣтимъ кстати, что въ числѣ павнныхъ находились два австрійскіе офицера: поручикъ Магусевичъ, другаго фамилію не помню. Оба они были преданы полевому военно-уголовному суду и, внослѣдствіи, разстрѣляны въ Радовѣ; три же или четыре австрійскіе унтеръ-офицера, находившіеся въ бандѣ, были сосланы въ Сибирь.

шая часть инсургентовъ была перебита, забрана въ плѣнь или сброшена въ Вислу...

Тягъ окончилось существованіе банды, извѣстной подъ названіемъ „Золотого легіона“. Изъ 850 человекъ, вступившихъ въ бой, едва ли 200 спаслись въ Галицію. Не считая холоднаго оружія и амуниці, въ нашихъ рукахъ осталось 300 штуцеровъ заграничной работы и столько же охотничьихъ ружей, дубельтовокъ и т. п. Въ числѣ убитыхъ называли графовъ Тарновскаго, Комаровскаго, Водзидваго, Левартовскаго, Роттера и другихъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ аристократическимъ фамиліямъ Галиціи. Самъ Іорданъ, вмѣстѣ съ Попелемъ, проведя ночь въ Залѣскомъ лѣсу, только передъ свѣтомъ переправились за границу и долго послѣ того крестьяне сосѣднихъ деревень видѣли всплывавшіе трупы убитыхъ и потонувшихъ въ Вислѣ повстанцевъ....

Потеря въ войскахъ сравнительно была ничтожная: раненъ командиръ 9-й роты Галицкаго полка, поручикъ Еремійъ, пулею въ ногу, и вышло изъ строя 16 нижнихъ чиновъ и 6 лошадей.

Послѣ комаровскаго дѣла не было уже надобности въ предложенномъ подрѣзненіи пограничной линіи, а потому генералъ Ченгери, отправивъ подполковника Сухонина въ Сташевъ для принятія плѣнныхъ, самъ повернулъ въ с. Гуры, гдѣ соединился съ отрядомъ барона Таубе.

Въ Гурахъ къ генералу Ченгери присоединился капитанъ Яковлевъ, имѣвшій наканунѣ дѣло съ конною шайкою жандармовъ-вѣнзателей, подъ предводительствомъ Вогуша.

Это вполне удачное и молодецкое дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Утромъ 10-го іюня, драгуны (*), вышедшіе изъ Ендрижева на поискъ, замѣтили повстанскій пикетъ, стоявшій передъ д. Котлицею и по слѣдамъ его ворвались въ фольварокъ, гдѣ врасплохъ захватили повстанцевъ, едва успѣвшихъ высочить изъ помѣщичьего дома и броситься за рѣку Ниду. На берегу произошла однакожъ рукопашная схватка, въ которой непріятель оставилъ на мѣстѣ трехъ плѣнныхъ, девять иструженныхъ тѣлъ и 20 лошадей съ сѣдлами. Съ нашей стороны тяжело раненъ рядовой Черниковъ, одинъ изъ числа немногихъ, оставшихся еще въ полку участниковъ славнаго заграничнаго похода.

(*). Полуэскадронъ 8-го сагадрона Новороссійскаго полка.

Въ Гурахъ же получено было свѣдѣнiе, что изъ Галицiи переправилась новая банда, въ числѣ 400 человекъ пѣхоты и 100 конницы, подъ начальствомъ Заборовскаго, и двинулась къ Шекоцыву на соединенiе съ остатками бандъ Оксинскаго и Рогалинскаго, замѣнившаго Бончу. Повтому, направивъ барона Таубе на Сидыниинъ, генералъ Чемгери самъ, 12-го iюня, повернулъ къ Влощовой и около семи часовъ вечера въ д. Незнановице открылъ повстанскую кавалерiю, въ числѣ отъ двухъ до трехъ сотъ всадниковъ, которая, по приближенiи нашего отряда, завязала было перестрѣлку, но послѣ двухъ, трехъ картечныхъ выстрѣловъ обратилась въ безпорядочное бѣгство.

Ночью, когда отрядъ стоялъ во Влощовой, къ генералу Чемгери явились лазутчики и сообщили, что неподалеку, въ имѣнiи графа Островскаго Момошинъ, находятся соединенныя шайки Оксинскаго и Заборовскаго, силою до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы. Какъ ни преувеличена казалась эта цѣна, однако лазутчиковъ отпустили съ подарками, и на разсвѣтъ 13-го iюня нашъ отрядъ былъ уже въ Куржидевѣ, верстахъ въ семи или восьми отъ Момошина. Здѣсь получено было извѣстiе, что дисургенты въ четыре часа утра вышли на Пшедбожь. Говорили, что ночью прiѣхалъ Шайнецъ, начальникъ вооруженныхъ силъ Пиотрковскаго, Серадаскаго и Велюцскаго уѣздовъ, имѣвшiй секретное порученiе отъ народоваго жонда возстановить согласiе между разсорившимися предводителями. Шайнецъ произвелъ мятежникамъ инспекторскiй смотръ и, по окончанiи его, назначивъ Оксинскаго главнымъ начальникомъ, приказалъ ему перейти въ Пшедбожь, куда наканунѣ была отправлена кавалерiя Дзайнотта, та самая, которая, проходя Незнановице, наткнулась вечеромъ 12-го iюня на отрядъ генерала Чемгери.

Такъ какъ, по достовѣрнымъ свѣдѣнiямъ, силы дисургентовъ простирались свыше тысячи человекъ (*) и могли еще

(*) По польскимъ свѣдѣнiямъ, силы Оксинскаго простирались всего до 860 человекъ и состояли изъ 50 зуавовъ, четырехъ сотъ стрѣлковъ, двухъ сотъ пятидесяти кочевниковъ и 160 кавалеристовъ. Самъ Оксинскiй пользовался славою искуснаго организатора: Дѣйствительно, банда его была отлично выучена, дисциплинирована, а главное отличалась особыми шегальствомъ въ одеждѣ и вооруженiи. Зуавы его имѣли темносинiя куртки, расшитыя малиновыми тесьмами, и носили красные шаровары, вложенные въ сапоги, а на головѣ такого же цвѣта шапочки съ бѣлыми кистями. Одежда тиральеровъ (стрѣлковъ) была проще и состояла изъ темносинихъ полукафтаноу съ узкими погончиками; конседратки замѣнялись французскими кепи, съ національными малиновыми вышивками. Кочевники одѣты

усиливаться новыми шапками изъ-за Пилицы, то генералъ Ченгери послалъ приказаніе барону Таубе идти въ Ключеско на соединеніе съ главною колонною. Но посланный, не заставъ на ночлегъ барона Таубе, выступившаго съ драгунами по направлению къ Олесю, могъ передать это распоряженіе только пѣхотѣ, которая, подъ начальствомъ капитана Бвятковскаго, около пяти часовъ пополудни и прибыла въ Ключеско.

Въ Ключескѣ войска были раздѣлены на двѣ колонны, изъ которыхъ одна подъ личнымъ начальствомъ генерала (4 роты, вся артилерія и 60 казаковъ), переправившись въ Бобровникахъ, двинулась по лѣвому, а другая, выступившая часомъ позже, въ составѣ трехъ ротъ и 40 казаковъ, подъ командою майора Бвятковскаго, по правому берегу Пилицы, чтобы произвести атаку города съ двухъ сторонъ.

Шнедборжъ состоитъ изъ каменныхъ, большею частію двухэтажныхъ домовъ, раскинутыхъ на свѣтѣ довольно высокой горы, спускающейся къ самой Пилицѣ, берега которой также застроены частію каменными домами и фабриками, частію покрыты садами и огородами. Самое названіе „шнедъ-боржъ“ показываетъ, что городъ находится въ лѣсной странѣ и окруженъ обширными пущами, которыя, какъ говоритъ преданіе, служили любимымъ мѣстомъ охоты короля Казимира Великаго, часто прѣзжавшаго сюда изъ Варшавы и выстроившаго въ Шнедборжѣ великолѣпный королевскій замокъ. Отъ этого замка—единственнаго историческаго памятника города—уцѣлѣлъ только нижній этажъ, да и тотъ занятъ теперь грязными жидовскими лавками.

Было уже девять часовъ вечера, когда отрядъ генерала Ченгери подошелъ къ городу и казаки первые обмѣнялись выстрѣлами съ непріятельскими пикетами. Рѣшено тотчасъ, не ожидая разсвѣта, атаковать мятежниковъ. Пѣхотная цѣпь охватила Шнедборжъ съ двухъ сторонъ (*) и начала перестрѣлку; въ то же время артилерія заняла противоположный берегъ

были въ красныя блузы, опоясывавшіяся широкими лакированными поясами; на головѣ носили малиновыя рогатки. Кавалеріи присвоены были темносиніе, уланскаго покрою, полукафтаны съ малиновыми лацканами и украшенныя перьями коннедератки въ 1-мъ эскадронѣ бѣлаго, а во 2-мъ краснаго дѣлта. Шинели замѣнились въ цѣлой бандѣ польскими бурками, съ кашпономъ, въ видѣ башлыка.

(*) Еще на походѣ 3-я стрѣлковая рота переправлена была на правый берегъ Пилицы, чтобы, до прибытія Бвятковскаго, дѣйствовать на южной сторонѣ города.

Пиллицы и при слабыхъ мерцаніи луны открыла канонаду по городу.

Мятежники, занявъ Пшедбожь не задолго до нашего прибытія, и не ожидая столь быстрого нападенія, разбрелись по всему городу. Оксинскій находился въ магистратѣ, когда ему приближали сказать о наступленіи русскихъ; онъ приказалъ ударить тревогу и самъ повелъ дежурную часть, которую разсыпалъ впереди предмѣстья.

Пока гремѣла канонада и перестрѣливались цѣпи, отрядъ, въ ожиданіи колонны Бѣтковскаго, нѣсколько заволажившей (*), составилъ ружья и расположился на отдыхъ. Офицеры, кутаясь въ плащи отъ ночнаго холода, окружали генерала Ченгери, лежавшаго на шинели между стрѣляющими орудіями, и выслушивали его приказанія относительно предстоящаго приступа. Въ это время подошелъ сюда медикъ, въ первый разъ ходившій въ экспедицію, и попросилъ указать ему мѣсто для перевязочнаго пункта.

— Перевязочнаго пункта не назначено.

— А если будутъ раненые?

— Ну, смотрите, вы еще напечтаете бѣду — заговорили другомъ, полу-шутя, полу-серьезно, и какъ нарочно въ эту самую минуту принесли солдата, раненаго въ ногу.

Ровно въ одиннадцать часовъ условные сигналы на рожкахъ дали намъ знать о прибытіи колонны Бѣтковскаго. Артиллерія подвинулась ближе къ городу и начала картечью очищать предмѣстье. Затѣмъ раздался общій сигналъ наступленія: орудія смолкли, загремѣло дружное „ура!“, и войска пошли на приступъ.

Плѣнные говорили впоследствии, что банда хотѣла положить оружіе, но что Оксинскій, собственноручно изрубивъ двухъ, заставилъ остальныхъ повиноваться и, воспользовавшись темнотою ночи, бѣжалъ изъ Пшедбожа въ лѣвый берегъ Пиллицы (**). Въ двѣнадцать часовъ мы заняли городъ

(*) Роты Бѣтковскаго, прибывшія изъ отряда барона Таубе, сдѣлали, почти безъ отдыха, переходъ отъ Сидымина черезъ Влацково и Олешно въ Кляческо и отсюда къ Пшедбожу, что составляетъ болѣе 60 верстъ.

(**) Весь нашъ уронъ состоялъ изъ двухъ нижнихъ чиновъ, раненыхъ въ переднѣхъ. Мятежники, не смотря на сильную канонаду, тоже потеряли только двухъ убитыми и шесть ранеными, да на другой день отсыяно было еще нѣсколько труповъ за городомъ. Конечно, результаты боя были бы гораздо полнѣе, если бы при отрядѣ находилась кавалерія; но баронъ Таубе, какъ было сказано выше, провадилъ въ этотъ день съ драгунами поискъ въ окрестностяхъ Оксы, а на

безъ боя. Тяжелый стукъ артилеріи, дымящіеся пальники, звукъ оружія, шумъ и говоръ пѣхоты, двигавшейся по улицамъ, странно противорѣчили мертвой тишинѣ, господствовавшей въ Пшедбожѣ, жители котораго, испуганные каманадою, нигдѣ не осмѣливались показывать даже признаковъ своего существованія.

По занятіи города, генераль Ченгери тотчасъ распорядился произвести обыскъ въ домахъ, гдѣ могли скрываться вооруженные повстанцы. Захвачено было 52 человекъ изъ шайки Оксинскаго.

Справедливость требуетъ сказать, что, несмотря на ночное время, осмотръ производился въ величайшемъ порядкѣ, и жители, увѣрившіеся наконецъ въ своей безопасности, сами выставляли на окнахъ зажженные свѣчи, чтобы освѣтить темныя улицы и толпами стали сходиться къ генералу Ченгери, выражая признательность за избавленіе отъ повстанскаго нашествія.

Пока генераль, не очень-то довѣрившійся льстивымъ рѣчамъ, сурово говорилъ съ депутаціею, очередная рота прошла на аванпосты, а остальные расположились на площади, куда бургомистру приказано было доставить солому; но люди, въ особенности прибывшіе изъ отряда барона Таубе, до того были измучены, что, составивъ ружья, улеглись на голые каменья и вскорѣ вся площадь огласилась храпѣніемъ спящихъ.

Къ восьми часамъ утра получены были свѣдѣнія, что мятежники двумя колоннами направились на Банковую-Гуру (*). Отъ Пшедбожа преслѣдованіе началось уже по Варшавской губерніи; день выдался жаркій, но, несмотря на то, пѣхота шла бойко и въ трехъ часахъ пополудни достигла дер. Пшепницы, гдѣ инсургенты намѣревались остановиться для варки пищи. Неожиданное появленіе наше заставило Оксинскаго бросить котлы и отступить въ лѣса по направленію къ Пётркову, оставивъ передъ нами въ деревнѣ 150 стрѣлковъ и небольшую часть конницы, подъ предводительствомъ Скаль-другой дѣш, ничего не зная о пшедбожскомъ дѣлѣ, удалился еще болѣе къ сторонѣ Руды-Маленецкой.

(*) Впоследствии мы узнали, что одна изъ этихъ колоннъ, подъ начальствомъ французскаго офицера Шабріоля, осталась на правомъ берегу Пилыцы и устроила засаду въ направленіи къ Рудѣ-Маленецкой, предполагая, что мы, удовольствовавшись взятіемъ Пшедбожа, ночью выйдемъ на эту дорогу, какъ ближайшую къ Кельце; но, убѣдившись въ противномъ, на другой день форсированнымъ маршемъ снова соединился съ Оксинскимъ.

снаго. Скальскій завязалъ перестрѣлку, но вскорѣ самъ, на приготовленныхъ подводахъ, отступилъ въ Межинову, куда и мы последовали и гдѣ вторично помѣшали инсургентамъ приготовить обѣдъ, котораго они были лишены уже въ теченіе двухъ или трехъ дней.

Межиновъ одно изъ самыхъ красивыхъ имѣній, нація мѣтъ приходилось встрѣчать въ царствѣ Польскомъ; по крайней мѣрѣ оно показалось такимъ при великолѣпномъ освѣщеніи заходящаго солнца. Мы остановились возлѣ господскаго дома, построеннаго нѣсколько въ сторонѣ отъ деревни и напоминавшаго своею отдѣлкою тѣ изысканные домики, безъ описанія которыхъ не обходился ни одинъ сколько-нибудь цвѣтистый романъ добраго стараго времени. Межиновъ остался намъ памятенъ по одному происшествію, о которомъ слѣдуетъ упомянуть, потому что оно до дѣлительной степени характеризуетъ настроеніе окружающаго насъ польскаго люда.

Управляющій имѣніемъ, бывшій въ то же время и войтомъ гмины, слѣдовательно чиновникомъ коронной службы, не только не встрѣтилъ, по своей обязанности, отряда, но даже не хотѣлъ отвѣчать на вопросы „москвскаго офицера“, не зная, что этотъ московскій офицеръ—самъ генералъ Ченгери. За то, кажется, громовый ударъ не былъ бы въ состояніи ошеломить его болѣе, чѣмъ это извѣстіе. „Его мосць“ побѣдлѣлъ какъ стѣна, выронилъ трубку и съ крикомъ: „Jasny Panie!“ бросился на встрѣчу къ генералу, обнаруживая желаніе высказать все, что только знаетъ о мятежникахъ. По его словамъ, Оксинскій находился въ Райскѣ, гдѣ заготавливалъ подводы для того, чтобы съ разсвѣтомъ переправиться обратно за Пилицу въ Радомскую губернію. Вслѣдствіе того, генералъ Ченгери тотчасъ же телеграфировалъ въ Пётрковъ, прося барона Радена выслать свѣжий отрядъ на перерѣзъ мятежникамъ, а самъ двинулся въ Райско (*).

Въ Райскѣ, 13-го іюня, мы застали пётрковскій отрядъ, прибывшій, вслѣдствіе нашего извѣстія, подъ личною командою барона Радена, въ составѣ трехъ ротъ Полоцкаго полка, двухъ орудій и 150 казаковъ. Вскорѣ получены были свѣдѣнія, что

(*) Деша на телеграфную станцію, въ Горшковницу, была отправлена съ управляющимъ, которому, какъ войту гминному, поручено было на слѣдующій день вытребовать мѣстнаго ксендза и распорядиться погребеніемъ солдата, убитаго подъ Тржепницею. Оба эти приказанія управляющій исполнилъ въ точности, рискуя навлечь на себя месть мятежниковъ.

шайки переправились на правый берег Пилицы двумя колоннами: кавалерія противъ д. Режно черезъ мостъ, который за собою уничтожила, а пѣхота въ бродъ у д. Скотники, и снова двинулись къ Пшедбожу. Съ нашей стороны преслѣдованіе возобновилось двумя отрядами, изъ которыхъ одинъ, подъ начальствомъ барона Радена, къ вечеру настигъ главную банду Оксивскаго и съ боемъ преслѣдовалъ ее отъ Фалишова черезъ Орженю, Поперню, Зузаву и Носоловицу до самаго Пшедбожа. Инсургенты были изнурены до такой степени, что мы находили на дорогѣ трупы повстанцевъ, умершихъ отъ голода и изнеможенія (*).

По прибытіи въ Пшедбожъ, мы опять были встрѣчены депутаціею, собравшеюся привѣтствовать генерала, какъ благодѣтеля и избавителя города. Тутъ же находился „президентъ Мясга“ (бургомистръ); онъ стоялъ безъ шапки и былъ, что называется „gotów na raskasy Iasnie Wielmoznego Pana“. Ему приказано было тотчасъ же озаботиться заготовкою для отряда къ утру 120 пудовъ хлѣба, за установленную плату.

На слѣдующій день, пока разъѣзды, посланные ночью по слѣдамъ непріятели, еще не возвращались, бургомистръ доложилъ генералу Ченгери, что онъ встрѣтилъ непреодолимыя препятствія при заготовленіи хлѣба, что хлѣбъ заготовленъ только въ количествѣ семи пудовъ, что въ городѣ болѣе хлѣба нѣтъ и достать невозможно. За подобное заявленіе бургомистръ былъ тотчасъ арестованъ; а хлѣбъ заготовленъ слѣдующимъ способомъ:

Генералъ обратился къ собравшимся жителямъ съ такою, памятною имъ, рѣчью:

„Вы называете меня вашимъ спасителемъ, защитникомъ и благодѣтелемъ; но когда обстоятельства побудили меня обратиться къ вамъ съ требованіемъ доставить необходимое количество хлѣба, за плату, которая далеко превышаетъ ваши базарныя цѣны, вы, послѣ неоднократныхъ увѣреній въ готовности исполнить мое приказаніе, осмѣлились обмануть меня подъ самымъ пустымъ и лживымъ предлогомъ. Вы поступили такъ подъ вліяніемъ агентовъ народоваго жонда; но знайте, что я даю вамъ только полчаса срока, и ежели въ теченіе этого времени хлѣбъ не будетъ доставленъ сполна, я прикажу

(*) Во время этого преслѣдованія, въ колоннѣ барона Радена ранены Полоцкаго полка штабсъ-капитанъ Лавровъ пулею въ грудь и одинъ казакъ.

этими самыми солдатами, защитникамъ и спасителямъ вашимъ, добыть себѣ хлѣба въ собственныхъ вашихъ домахъ“....

Эта угроза такъ подѣйствовала, что менѣе нежели въ четверть часа въ магистратѣ было уже собрано около 60 пудовъ хлѣба. Полагая, что этого количества будетъ достаточно, генералъ Ченгери приказалъ прекратить дальнѣйшую доставку и выступилъ изъ города.

Изъ Пшедбожа наши войска пошли тремя колоннами черезъ Боровъ, Руду-Маленецкую и Олешно къ Радощицамъ (*). Последняя колонна, находившаяся въ командѣ майора Бятковскаго и состоявшая изъ трехъ ротъ, полусотни базавовъ и двухъ батарейныхъ орудій, разсыла по пути конную шайку Дзянотта и захватила переписку, которая, по важности своего содержания, переслана была немедленно въ Варшаву.

Когда отряды соединились въ Радощицахъ, пришло извѣстiе, что Оксинскій, не видя болѣе возможности держаться, выпустилъ пѣхоту, а кавалерію раздѣлилъ на двѣ части, изъ которыхъ одна, подъ командою начальника штаба его, Литтиха, вернулась обратно за Пилицу, а другая, Заборовскаго, бросилась къ австрійской границѣ. Впослѣдствіи мы достоверно узнали, что самъ Оксинскій намѣревался бѣжать въ Галицію, но на дорогѣ былъ арестованъ агентами народоваго жонда, преданъ суду и разжалованъ въ рядовые (**). Тогда же послѣдовалъ декретъ національнаго правительства, что тѣ предводители партій, которые послѣдуютъ примѣру Лангевича, Кононовича и Оксинскаго, т. е. добровольно сложатъ оружіе и пустятъ инсургентовъ, или перейдутъ съ ними за границу и будутъ задержаны тамъ прусскими или австрійскими войсками, наказываются смертю, какъ измѣнники.

Экспедиція наша была окончена, и 18-го іюня утромъ мы форсированнымъ маршемъ двинулись къ Кельце. Чгобы объяснить причину такой успѣшности, надо сказать, что еще

(*) Въ Пшедбожѣ мы оставили на попеченіи бургомистра раненаго штабъ-капитана Лаврова. Но такъ какъ Лавровъ оставался подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ катастрофы, постигшей однополчанина его, капитана Никшорова, звѣрски повѣшеннаго въ Некланскихъ лѣсахъ, то для успокоенія его баронъ Радень взялъ подлинку съ именитѣйшихъ жителей города въ томъ, что они отвѣтствуютъ за его безопасность. Генералъ же Ченгери объявилъ, что не только за безопасность, но за спокойствіе Лаврова ему отвѣчаютъ поголовно всѣ жители города и что, въ противномъ случаѣ, въ Пшедбожѣ не останется камня на камнѣ.

(**) Онъ служилъ въ шайкѣ Тачановскаго, дѣйствовавшей въ Варшавской губерніи.

около Райска жители говорили намъ щопотомъ, будто-бы въ Кельце, во время нашего отсутствія, поляки похитили двухлѣтняго сына генерала... Вѣсть эта быстро пронеслась по отряду, и мы еще не знали вѣрить ей или не вѣрить, какъ уже солдаты рѣшили вопросъ по-своему. Одинъ изъ нихъ, слушающій разсказъ еврея, вдругъ спросилъ его:

—А Кельцы цѣлы?

—Цѣлы.

Солдаты и рукой махнулъ. „Кабы случился этакой грѣхъ, что генеральскаго сына украли, нешто удѣлѣль-бы городъ“, замѣтилъ онъ съ увѣренностію.

—Гдѣ удѣлѣтъ? съ землею-бы выровняли, заговорили кругомъ солдатники и успокоились.

Оказалось, что поляки нарочно распустили этотъ слухъ, что-бы заставить насъ вернуться въ Кельце. Это имъ не удалось, а между тѣмъ молва о похищеніи маленькаго Валеріана разошлась по всему царству, достигла Петербурга и вызвала милостивое участіе со стороны Государя Императора.

Въ то время, когда главные скопища мятежниковъ стояли на Вислѣ и Пилицѣ, въ лѣсахъ Опочинскаго и Радомскаго уѣздовъ появились медвія банды, отъ двадцати до тридцати всадниковъ, подъ названіемъ „Polska Zandermerja“. Шайки эти производили страшныя безчинства въ селахъ, мызахъ и городахъ, вѣшали мужиковъ, грабили почты, перехватывали эстафеты и тѣмъ парализовали всякое правительственное распоряженіе.

Ловить эти шайки, при запуганности населенія, не было возможности ни двигавшимся отрядамъ, ни подвижнымъ колоннамъ, а потому генералъ-лейтенантъ Ушаковъ нацѣлъ необходимымъ сформировать особые партизанскіе отряды, которые, время отъ времени, высылались изъ Радома съ спеціальною цѣлью ловить жандармовъ-вѣщателей.

Высылка партизановъ весьма естественно сильно озаботила коноводовъ повстанья. Очень хорошо сознавая, какого могущественнаго орудія для поддержанія мятежа они лишатся въ случаѣ истребленія ихъ вѣщателей, революціонеры, въ свою очередь, направили всѣ усилія противъ партизановъ и обнародовали даже декретъ, которымъ плѣнные, захваченные во время партизанскихъ набѣговъ, присуждались къ смерти. Слу-

чай къ исполненію этого дѣкрета представился скоро. Узнавъ, что одинъ изъ партизанскихъ отрядовъ, съ составѣмъ двадцати двухъ казаковъ и двадцати двухъ екатеринославскихъ драгуновъ, подъ командою поручика Ребедайлова, ночуетъ въ Близинѣ (*), повстанцы рѣшили произвести на него нападеніе въ ночь съ 13 на 14-е іюня и для того устроили засаду въ лѣсу, окружающемъ селеніе.

Шайка собралась въ довольно значительныхъ силахъ. Ночью, когда отрядъ, утомленный поисками, безпечно расположился возлѣ господскаго дома, инсургенты, воспользовавшись оплошностію пикетовъ, пробрались въ садъ и изъ-за его ограды дали залпъ по нашимъ коновязямъ. Часовой былъ убитъ на повалъ; лошади шарахнулись и сорвали коновязь.... Что происходило затѣмъ, мы описать не можемъ; но, по всей вѣроятности, поляки не сумѣли воспользоваться выгодами своего положенія, потому что партизаны пробились съ потерей только одного драгуна убитымъ и одного раненымъ. Раненаго инсургенты взяли въ плѣнъ и тотчасъ-же разстрѣляли....

Между тѣмъ, нѣсколько казаковъ, успѣвшихъ, при началѣ тревоги, вскочить на коней, прискакали въ Шидловецъ и дали знать о случившемся маіору Кнорингу, который тотчасъ отправилъ на подкрѣпленіе партизанамъ 4-й эскадронъ екатеринославскаго полка и двѣ могилевскія роты. Отрядъ не засталъ уже инсургентовъ въ Близинѣ, но, по указанію жителей, скоро напалъ на ихъ слѣдъ и нанесъ имъ значительный уронъ во время преслѣдованія лѣсами между Бржезиномъ и Мрычковомъ.

Черезъ три дня послѣ этого происшествія, получено было извѣстіе, что другой партизанскій отрядъ, подъ командою прапорщиковъ Шмидта и Ассіева, жестоко отплатилъ повстанцамъ за первую неудачу своихъ товарищей. Вотъ какъ доносилъ объ этомъ дѣлѣ генералъ лейтенантъ Ушаковъ главнокомандующему войсками въ царствѣ Польскомъ:

„Одинъ изъ партизанскихъ отрядовъ, вышедшій изъ Радома 31-го мая, въ составѣ сорока драгуновъ Екатеринославскаго полка, послѣ долгихъ трудовъ, понесенныхъ имъ въ лѣсахъ Опочинскаго уѣзда, 18-го іюня, близъ д. Гвоздикава, достигъ наконецъ конную шайку вѣпателей, подъ начальствомъ Вишнеvsкаго.

(*) Близавъ, имѣніе Выеговскаго, находится въ 7 или 8 верстахъ западнѣе Суходива.

„Молодые драгуны уничтожили эту шайбу совершенно: тридцать вѣшателей они изрубили. остальныхъ шесть, вмѣстѣ съ начальникомъ шайбы, Вишневецкимъ, взяли въ плѣнъ и доставили въ Радомъ, гдѣ они и понесутъ заслуженную казнь.

„Драгуны отбили 24 лошади и все бывшее на вѣшателяхъ оружіе, потерявъ сами только двухъ нижнихъ чиновъ ранеными и трехъ лошадей.

„Молодецкая и неутомимая служба драгуновъ заслуживаетъ особой похвалы Вашего Императорскаго Высочества, а потому почтительнѣйше прошу о награжденіи ихъ двумя знаками отличія военнаго ордена“ (*).

Рассказываютъ, что въ этомъ дѣлѣ инсургенты, будучи застигнуты врасплохъ, въ крестьянскомъ сараѣ, подняли парламентерскій флагъ, какъ бы желая положить оружіе, но когда партизаны приблизились, встрѣтили ихъ залпомъ. Драгуны ворвались въ сарай и въ нѣсколько минутъ порѣшили дѣло тѣмъ, что пощадили немногихъ, которые на колѣняхъ просили о пощадѣ. Въ числѣ послѣднихъ находился и самъ предводитель шайбы, Вишневецкій (**).

Около этого времени къ намъ прибылъ съ Дона казачій № 9-го полкъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ полковъ, которые выступили оттуда безъ всякихъ приготовленій и были почти на половину наполнены малолѣтками, плохо вооруженными и мало приготовленными къ боевой службѣ. Разница съ казаками 3-го полка не замедлила обнаружиться, какъ только новоприбывшія сотни были раскомандированы по отрядамъ; тѣмъ не менѣе прибытіе ихъ дало намъ возможность усилить войска на югъ и занять нѣкоторые города и мѣстечки внутри края.

Отправляя двѣ сотни въ Кельца (***), генераль-лейтенантъ Ушаковъ писалъ генералу Ченгери: „Старайтесь занимать сколько возможно болѣе пунктовъ, которые сообщались бы

(*) Прапорщикамъ Шмидту и Ассиену Высочайше повелѣно не считать штрафовъ вѣрительными къ награжденіямъ по службѣ, пожалованы чины поручиковъ и ордена св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“.

(**) Вишневецкій, молодой человекъ лѣтъ 26, видной и красивой наружности; до возстанія занимался столярнымъ ремесломъ въ м. Шидловцахъ и былъ въ числѣ распорядителей ночнаго нападенія съ 10 на 11 января.

(***) Остальные сотни 9-го полка были распределены слѣдующимъ образомъ: двѣ сотни, вмѣстѣ съ полковымъ штабомъ, въ Радомъ, одна въ Опочинъ и одна въ Опатовъ. Казачій же № 3 полкъ весь собранъ былъ на южную границу и штабъ его помѣщенъ въ м. Сташовъ.

между собою кавалерійскими партиями. Опытъ убѣдилъ насъ, что мятежники, при всеѣ стараніи, не въ состояніи одолѣть и одну роту, собранную вмѣстѣ и стоящую въ должномъ порядкѣ, а между тѣмъ невѣрніе во многихъ мѣстахъ войска дедетъ только возможность сформировать новыя шайки и производить ими различныя безчинства“. „Я самъ“—прибавлялъ генераль лейтенантъ Ушаковъ:—„занялъ кругомъ Радома много пунктовъ, и если еще держу въ городѣ шесть ротъ, то только потому, что двѣ съ половиною выводятъ ежедневно для содержанія карауловъ“....

Такъ какъ радомскій гарнизонъ выставилъ особые отряды, кромѣ Бѣлобжеговъ, еще въ Шидловцахъ, Зволешъ и Сольцахъ, то на долю келецкаго приходилось занять Вержбикъ, Сухадневъ, Ендржіевъ и Хмѣльникъ—пунктъ, пріобрѣтшій, послѣ попытки Іордана, особую важность, какъ промежуточный этапъ между Сташовымъ и Кельцами.

Военныя дѣйствія въ это время пріостановились. Радомскіе партизаны и три полуэскадрона новороссійскихъ драгуновъ, отправленные изъ Кельца по разнымъ направленіямъ, нигдѣ не открыли присутствія шаекъ и только изъ Мѣхова, отъ маіора Штольценвальда, получались еще донесенія о существованіи бандъ, но и тѣ понесли вскорѣ рядъ поражений.

Такъ, 23-го іюня, капитанъ Добрышинъ, слѣдуя къ Водзиславу съ частью ендржіевскаго отряда, узналъ, что, влѣво отъ дороги, въ лѣсистой балкѣ, называемой „Бжезинка“, скрывается конная шайка, человекъ въ двѣсти, только что перешедшая изъ Галиціи, подъ командою Езіораньскаго. Спрятавъ взводъ стрѣлковъ въ придорожной канавѣ и направивъ 9-ю роту Смоленскаго полка по оврагу къ опушкѣ лѣса, капитанъ Добрышинъ выслалъ впередъ двадцать казаковъ, которые должны были сдѣлать видъ, что, не замѣчая непріятели, намѣрены проѣхать балкою въ д. Покшевницу. Маневръ этотъ удался вполне. Повстанцы приняли казаковъ за обыкновенный разъѣздъ и, подпустивъ ихъ на близкое разстояніе, бросились за ними въ погоню.... Разгоряченная преслѣдованіемъ толпа наскочила прямо на нашу засаду, была встрѣчена залпомъ стрѣлковъ, повернула назадъ, попала подъ огонь 9-й роты и, окончательно растерявшись, бѣжала, оставя въ нашихъ рукахъ одного плѣннаго и 16 верховыхъ лошадей. По окончаніи дѣла, между трупами убитыхъ повстанцевъ, солдаты наши израненаго

крестьянина, котораго мятежники намѣревались повѣсить, но какъ удобнаго случая не представилось, то они изрубали его саблями и полумертваго бросили на дорогѣ.

На слѣдующее утро почти такой же случай повторился за Водиславомъ, въ м. Ксеяжъ-Вельке, гдѣ шайка Заборовскаго наткнулась на отрядъ, конвоировавшій транспортъ изъ Мъхова, и бѣжала, потерявъ нѣсколько убитыми, двухъ плѣнными, шесть лошадей и фуру съ оружіемъ и провизіею.

Нѣсколько позже была разбита и третья плѣшая партія, скрывавшаяся въ Недзвѣцкомъ лѣсу, куда, по распоряженію майора Штольценвальда, были направлены двѣ роты 7-го стрѣлковаго баталіона и полусотня донскихъ казаковъ (*).

Потери, понесенныя мятежниками во всѣхъ этихъ дѣлахъ, были незначительны, но впечатлѣніе, произведенное на нихъ, было такъ сильно, что шайки начали мало по-малу перебираться въ Галицію. Одна изъ нихъ, подъ вечеръ 24-го іюня, напнулась на разъѣздъ пограничной стражи, около д. Воврженцице, и имѣла сравнительно удачное дѣло, положивъ на мѣстѣ одного объѣзжачика, троихъ ранивъ и одного захвативъ въ плѣнъ, вѣсть съ лошадью.

Не смотря на истребленіе шайекъ, положеніе дѣлъ въ царствѣ Польскомъ не предвѣщало близкаго окончанія вооруженнаго возстанія. Можно было предвидѣть, что къ осени шайки соберутся снова и что, при извѣстномъ настроеніи европейскаго общества, разрывъ съ западными державами сдѣлается неизбежнымъ.

Въ это время въ Вильну пріѣхалъ генералъ-лейтенантъ Яковъ Петровичъ Бялановъ и отдалъ извѣстный приказъ, котораго въ тысячахъ экземплярахъ раздѣлся по Литвѣ и по царству Польскому... Пріѣздъ извѣстнаго кавказскаго героя и нѣкоторыя выраженія его приказа вызвали въ военномъ обществѣ самыя разнообразныя толки и предположенія, сходявшіяся

(*). Одновременно съ этимъ мы получили извѣстіе, что въ Петровскомъ уездѣ (Варшавской губерніи) уничтожены и послѣдніе остатки шедобожскихъ шайекъ, державшихся тамъ подъ командою Диттиха. Дѣло, какъ явствуетъ изъ извѣстнаго въ томъ, что Диттихъ, получивъ 21-го іюня извѣстіе о прибытіи въ м. Коршелицу казаковъ для арестованія ксендза, направился туда съ частью своей кавалеріи, разбилъ казаковъ, но, въ свою очередь, былъ настигнутъ ими ночью, во время отъѣзда, и потерпѣлъ такое пораженіе, что шайка его совершенно разсыпалась. Самъ Диттихъ былъ убитъ, а одна изъ его главныхъ помощниковъ Вохенский (молодой охотеръ, бывшій изъ Кельна), получивъ 16 ранъ саблями и пиками, замертво бѣжалъ увезенъ мятежниками въ Краковъ.

однако на томъ, что Баклановъ призванъ не даромъ и въ случаѣ войны, будетъ командовать авангардомъ дѣйствующей арміи.

„Станичники и односумы!“ обращаясь Баклановъ къ донскимъ полкамъ, расположеннымъ въ виденскомъ военномъ округѣ:—„Я выѣхалъ изъ роднаго края 19-го іюня и привезъ вамъ отъ него поклонъ. Донъ завѣщаетъ вамъ бороться одному противъ десятирехъ и охулки на руку не класть! Донъ дышетъ пламенною любовью и преданностію къ отцу, Царю нашему; онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ воли Монарха двинуться на вѣшняго врага, замышляющаго нарушить спокойствіе святой Руси. На вашу долю падъ жребій быть впереди — противъ врага внутренняго. Вы — потомки славныхъ и могучихъ предковъ нашихъ азовскаго сидѣнія. Молодечество ваше противъ мятежниковъ радуется Царя, а донская семья ликуетъ васъ!

„Братья! Соберемся съ силами, окрѣпимъ духомъ, превозможемъ всѣ трудности и лишения и покажемъ, что достойная называть себя питомцами славнаго, тѣлаго Дона. Настанетъ время — я буду посреди васъ въ бою боевой, введу васъ въ бой съ завѣтнымъ кличемъ Ермака: „съ нами Богъ!“ — силою коваго будать нашъ остръ — и не усташимся! Увѣренъ въ васъ, что вы такіе-жъ чудо-богатыри, какъ были, ходимые мною въ бой, дѣды, отцы и старшіе братья ваши!“..

Бакланову было тогда около семидесяти лѣтъ; имя его пользовалось въ арміи огромною популярностію; про него рассказывались анекдоты самаго невѣроятнаго свойства. Турки не даромъ называли Бакланова: „*батманъ кльчъ*“, т. е. „богатырь съ полупудовымъ мечомъ“. Солдаты вѣрили крѣпко, что онъ заговоренъ отъ пули, и знаетъ самъ заговоръ противъ вражеской силы. Служа подъ командою Бакланова въ азіатской Турціи, мы не разъ имѣли случай провѣрить подобные рассказы на мѣстѣ, и каждый разъ выносили убѣжденіе, что нравственная сила этого человѣка дѣйствительно такова, что ему удавались и будутъ удаваться самыя рискованныя предпріятія (*).

Назначеніе Бакланова военнымъ начальникомъ августовскаго отдѣла, произвело на поляковъ невѣроятное впечатлѣніе.

(*) Монархе о заговорѣ, который будто бы носилъ на себѣ Баклановъ, было такъ сильно между солдатами и въ особенности казаками, что его не могли поколебать даже самыя очевидныя факты: Баклановъ былъ также наравнѣ во время своей сорокалѣтней службы на Кавказѣ, но его богатырское сложеніе легко переносило то, отчего другому не мудрено было бы отираться къ предкамъ.

Еще до приезда его въ Вилану, они, уже по слухамъ, были настроены видѣть въ немъ нечто необыкновенное; но когда Баклановъ изъ Сувадокъ отправился осматривать край и сдѣлалъ одинъ, безъ конвой, болѣе двухъ сотъ верстъ гѣсами, по которымъ съ опаскою ходили отряды, тогда поляки почувствовали просто суевѣрный страхъ и стали называть его асмодеемъ. Изъ чюла тысячи ходившихъ тогда разсказовъ, приведу одинъ, за достовѣрность котораго могу поручиться.

На другой или на третій день по прибытіи Бакланова въ Сувадки, къ нему являлся почтмейстеръ и докладываетъ, что онъ отправляетъ почту.

— Ну, что же, съ Богомъ, говоритъ генералъ.

Чиновникъ начинаетъ путаться и кое-какъ объясняетъ, что мѣста здѣсь глухія, опасныя, а съ вѣчтою идетъ около пятидесяти тысячъ.

— Такъ что же вамъ отъ меня нужно?

— Конвой, ваше превосходительство.

— Ни одного недовѣда!

— Но прежде, по распоряженію начальства, подобныя почты конвоировались всегда не менѣе какъ одною ротюю.

— А теперь будутъ ходить безъ конвой, съ однимъ вооруженнымъ кондукторомъ, рѣшительно отвѣчалъ Баклановъ.

— А если отобьютъ деньги, раіе генерале?

— Вы хотите знать, кто будетъ отвѣчать? Я!.... Но я посмотрю, какъ они отобьютъ, прибавилъ генералъ, сдѣлавъ удареніе на послѣдней фразѣ, и въ голосъ его послышалась нота, отъ которой морозъ пробѣжалъ по жиламъ оторопѣшаго чиновника.

Почта прошла благополучно: повстанцы знали о ней и не осмѣлились напасть. Такъ велико было чувство страха, внушенное имъ Баклановымъ.

Возвратимся къ разсказу.

Къ этому времени относится наибольшее число жестокостей и самоуправствъ, совершенныхъ мятежниками въ Радомской губерніи. Чѣмъ безнадежнѣе становился мятежъ, тѣмъ чудовищнѣе дѣлался тероръ, и надъ городами и селами, надъ помещиками и крестьянами, надъ всѣмъ, что такъ или иначе касалось роковаго польскаго дѣла, висѣлъ Дамокловъ мечъ и грозилъ ослушнымъ смертію или разореніемъ.

Два слѣдующіе случая, взятые на выдержку, могутъ пока-

зять, какъ разпорядился народовой жондъ съ тѣми, кого подвергвалъ въ сочувствіи къ русскому правительству.

Въ Радомской губерніи было мѣстечко — теперь уездный городъ — Влоццо, принадлежавшее тогда помѣщикамъ Немоевскимъ. Старикъ, считавшійся маршаломъ Радомской губерніи (*) и шталмейстеромъ двора Его Величества, съ самаго начала возстанія не выѣзжалъ изъ Варшавы, а сынъ, молодой, прекрасно образованный человекъ, жилъ въ имѣніи и былъ ненавидимъ поляками за независимый образъ мыслей. Однажды, когда молодой Немоевскій находился въ отсутствіи, въ имѣніе является человекъ, называющій себя „жонцемъ“ (управляющимъ). Онъ предъявляетъ на то декреты народоваго жонда и, поселившись въ домъ Немоевскаго, начинаетъ распоряжаться всѣмъ; какъ своею собственностію. Немоевскій былъ пораженъ, когда, вернувшись домой, узналъ, что произошло въ его отсутствіи; но, переговоривъ наединѣ съ тайнственнымъ незнакомцемъ, понявъ, что имѣнать тутъ нечего и нѣчью, собравшись наскоро, ускакалъ въ Бельгію. Управляющій остался въ имѣніи подъ именемъ Лъвецкаго. Когда его арестовали (уже въ мартъ 1864 г.), то оказалось, что Немоевскій отъ его управленія понесъ болѣе, чѣмъ на сто тысячъ рублей убытку (**).

Тѣмъ же образомъ было конфисковано другое имѣніе Мамошинъ, принадлежавшее директору (министру) комисіи внутреннихъ дѣлъ Островскому. Мамошинъ инсургенты обратили просто въ какое-то дено кочующихъ бандъ, и все, что тамъ находилось, содержалось и довольствовалось на счетъ владѣльца. Мало того: евши Островскаго инсургенты требовали въ банду, и онъ избавился отъ преслѣдованія только тѣмъ, что выѣзжалъ въ Новгородъ, подъ видомъ сосланнаго административнымъ порядкомъ.

(*) Маршалъ — предводитель дворянства.

(**) Изъ военно-суднаго дѣла, производившагося надъ Лъвецкимъ, узнаемъ, между прочимъ, что онъ, во время своего управленія имѣніями Немоевскаго, командовалъ одно время шайкою убитаго Бончи и даже участвовалъ съ нею 12-го іюня въ дѣлѣ подъ Незнановицами съ отрядомъ генерала Ченгери. Какъ осторожно велъ свой дѣла Лъвецкій, можно видѣть изъ того, что, по окончаніи боя, узнавъ о движеніи генерала Ченгери къ Влоццо, онъ тотчасъ передалъ команду Дайноту и, предупредивъ въ мѣстечкѣ отрядъ, встрѣтилъ насъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ качествѣ управляющаго. Потомъ Лъвецкій занималъ въ народовой организаціи какую-то важную административную должность и, титулуясь генераломъ, инспектировалъ всѣ банды, проходившія мимо Влоццо. По окончаніи суда, Лъвецкій, какъ отставной австрійскій офицеръ, переданъ былъ въ Галицію и тамъ, какъ было слышно, разстрѣлянъ.

И все это, надо сознаться, совершалось передъ нашими глазами, какъ будто бы на глазахъ у насъ была накинута непроницаемая повязка. Впрочемъ, винить насъ не за что: зло коренилось не въ насъ, а въ самой администраціи края, противъ которой безсильны были все принимаемыя нами мѣры. Гражданскія власти (т. е. все чиновники-полки) открыто отбѣли на сторонѣ мятежниковъ и, умышлено скрывая злодѣяства, совершаемыя бандами, старались только о томъ, чтобы въ крикъ ярскаго описать малѣйшіе безпорядки, допускаемые „Wojskiem Cesarско-Rossijskiem, безпорядки частные, иногда даже неизбежные при преслѣдованіи шакетъ и образъ войны, которую вели инсургенты. По справедливому замѣчанію одного корреспондента, эти, враждебныя намъ, доносенія, цѣлкомъ попадавшія въ заграничную прессу, ранѣе чѣмъ дѣлались извѣстными главному начальнику края, принимались тамъ за неоспоримые факты и служили источникомъ подлыхъ клеветъ, распространяемыхъ о русскомъ войскѣ.

Долго мы не могли понять, какими путями революціонный заговоръ дѣйствуетъ въ царствѣ Польскомъ; только въ послѣднее время полиціи удалось напасть на слѣдъ народной организаціи и сдѣлать нѣкоторыя существенныя открытія по этой части.

Въ Кельце, одинъ изъ плѣнныхъ, взятыхъ нами подъ Пшедбожемъ, указалъ на революціоннаго начальника города, которымъ, по его словамъ, считался нѣкто Анджіевскій, сынъ врача, юноша 18 или 20 лѣтъ. Полиція тотчасъ же отправилась арестовать Анджіевскаго, но не нашла его дома: онъ былъ предувѣдомленъ и выѣхалъ въ Варшаву, гдѣ занялъ уже мѣсто начальника жандармовъ (*). Въ Кельцѣ захватили однако его помощника, ученика мѣстной гимназіи, но отъ него ничего не могли добиться: сперва мы даже просто не вѣрили, чтобы этотъ взбалмошный мальчуганъ со школьной скамейки ворочалъ судьбами города и держалъ въ повиновеніи и страхѣ все населеніе!... Какая исторія можетъ представить подобныя поразительныя своею негѣпостію факты...

Говорили, что послѣ Анджіевскаго, революціоннымъ начальникомъ города былъ адвокатъ Холевинскій. У Холевинскаго также произвели обыскъ, но ничего не нашли, кажется по-

(*) Вскорѣ пришло извѣстіе, что Анджіевскій, вовсе не умѣвшій обращаться съ оружіемъ, лишился жизни, неосторожно ранивъ себя изъ пистолета въ голову.

тому, что самое время выбрано было неудачное: обыскъ произведился ночью, когда дома запырлись наглухо и стукъ въ ворота могъ послужить поводомъ къ тому, что Холевинскій, какъ ловкій адвокатъ уничтожилъ, или припряталъ подалеже все, что было ему нужно.

Въ июнѣ были опубликованы мѣры, принятые нашимъ правительствомъ о привлеченіи къ ответственности, по военнымъ законамъ, бургомистровъ, войтовъ и солдатъ по всемъ дѣламъ, касающимся возстанія. Мѣры эти, казалось, должны были сдѣлать невозможнымъ формировавіе новыхъ шаекъ, а между тѣмъ вскорѣ получено было извѣстіе, что мятежники 25-го числа, утромъ, произвели нападеніе на Бѣлобжеги, гдѣ стояла саперная рота. Нападеніе было отбито, но саперы сожгли черезъ Пилицу мостъ и перервали сообщеніе Радома съ Варшавою (*).

По произведенному разслѣдованію оказалось, что шайка находилась подъ начальствомъ Грабовскаго(**) и состояла изъ остатковъ той банды, которая была разбита нами еще въ маѣ, въ то время, когда командовалъ ею Древновскій. Такимъ образомъ, военныя дѣйствія въ Радомской губерніи должны были возобновиться.

27-го іюня, отрядъ изъ двухъ полоцкихъ ротъ и нѣсколькихъ казаковъ, подъ командою майора Шокальскаго, выдѣль изъ Опочна(***) для преслѣдованія Грабовскаго, который, какъ были слухи, послѣ неудачнаго нападенія на Бѣлобжеги, бросился въ Опочинскіе лѣса и соединился тамъ съ новою шайкою Жихлинскаго, перешедшаго изъ Варшавской губерніи около м. Нового-Маста. Послѣ усиленнаго перехода, приближаясь къ д. Особъ, отрядъ вдругъ внезапно былъ встрѣченъ залпомъ... Мракъ непроглядной ночи, дремучіе лѣса, окружавшіе деревню, внезапность нападенія, произвели на солдатъ, настроенныхъ разсказами товарищей о стефанковичскомъ дѣлѣ, неразлучномъ въ воспоминаніи съ мученическою смертію капитана Николорова, такое впечатлѣніе, что роты въ безпорядкѣ повернулись назадъ.... Если дѣйствительно не повторилось стефанковичскаго

(*) Саперы потеряли только двухъ нижнихъ чиновъ легко ранеными.

(**) Грабовскій, до возстанія, былъ прапорщикомъ, кажется, 1-го сапернаго баталіона.

(***) Баталіонъ майора Шокальскаго сѣвнялъ въ маѣ роты Полоцкаго полка, находившіяся до того въ Опочинскомъ уѣздѣ, подъ командою майора Хивльницкаго.

дѣла, то этимъ обязаны были только присутствію духа маіора Шокальскаго и сотника Студеникина, извѣстнаго между казаками за отчаяннаго храбреца и джигита.... Вооруженный съ ногъ до головы, Студеникинъ первый ринулся въ толпу непріятеля и пока работалъ своимъ огромнымъ лезгинскимъ кинжаломъ, полоцкія роты остановились, оправились и такъ стремительно ударили на мятежниковъ, что банда тотчасъ обратилась въ бѣгство. Дѣло было выиграно, но, вслѣдствіе первоначальнаго замѣшательства, стоило намъ 15 нижнихъ чиновъ убитыми и 16 ранеными.

На слѣдующій день шайка перешла обратно на лѣвый берегъ Пялицы около Томашова. Слѣдомъ за нею пошли партизаны, выступившіе изъ Радома подъ командою поручиковъ Ассіева и Мѣдянова (*).

Но военныя извѣстія на этомъ не остановились. Полковникъ Звѣревъ доносилъ въ Радомъ, что мятежники, въ числѣ десяти тысячъ, собираются по ту сторону Вислы съ намѣреніемъ вторгнуться въ наши предѣлы, и что войска, расположенныя въ Завихвостѣ, Савдомірѣ и Опатовѣ, подвергаются серьезной опасности. Слухъ о десятитысячной повстанской арміи, конечно, былъ преувеличенъ, но дѣла могли принять нешуточный оборотъ и въ томъ случаѣ, если бы непріятель переправился даже въ значительно меньшихъ силахъ; поэтому отряды изъ Сольца и Зволена тотчасъ двинулись для поддержанія лѣваго фланга пограничной линіи. Самъ генераль-лейтенантъ Ушаковъ выѣхалъ въ Кельце, предварительно разрѣшивъ генералу Ченгери отправить двѣ смоленскія роты въ Сташовъ. Ендржіевскому и сухадневскому отрядамъ было приказано стоять наготовѣ.

Всѣ эти распоряженія оказались ненужными: тревога вышла фальшивая, и отряды, пробывъ въ сборѣ около трехъ дней, были распущены по своимъ квартирамъ.

Въ началѣ іюля войскамъ начали производиться инспекторскіе смотры. 3-го числа, вмѣстѣ съ генераломъ Ушаковымъ, въ Кельце прибылъ полковникъ Шульманъ, назначенный командиромъ Смоленскаго пѣхотнаго полка на мѣсто генераль-маіора Ченгери, который остался въ званіи военнаго начальника келецко-опатовскаго отдѣла.

(*) Мѣдяновъ назначенъ былъ вмѣсто поручика Шмидта, печально окончившаго свою карьеру: онъ застрѣлился изъ пистолета.

Къ этому времени Смоленскій полкъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ ротъ, находившихся въ отрядахъ, былъ собранъ въ Кельце. Приемъ полка начался тотчасъ по отъѣздѣ генерала Ушакова въ Мѣховъ для инспектированія 7-го стрѣлковаго баталіона и продолжался не болѣе двухъ дней.

Мы любовались бодрымъ и молодецкимъ видомъ смоленцевъ. Фронтъ, состоявшій изъ коренастыхъ, краснощекихъ молодцовъ, обросшихъ бакенбардами, спускавшимися у иныхъ до третьей пуговицы, и осѣненный знаменами (изъ нихъ нѣкоторыя современны суворовскимъ походамъ) смотрѣлъ внушительно. Были люди, которые смущались тѣмъ, что бакенбарды походили скорѣе на бороды чѣмъ на бакенбарды и видѣли въ этомъ признакъ упадка дисциплины. У всякаго свой взглядъ. Мы лично полагаемъ, напротивъ, что если что либо способно уронить дисциплину, такъ именно тѣ мелочныя, не ведущія къ дѣлу, требованія, тотъ крайній педантизмъ, которые иные стараются водворить во имя порядка и дисциплины. Солдаты, выдержанные въ строгихъ правилахъ формализма, могутъ быть хороши, могутъ быть дурны — дѣло здѣсь въ личной инициативѣ — но во всякомъ случаѣ привычка ходить на цыпочкахъ надолго можетъ затормозить развитіе боеваго духа.

Ходили слухи о деморализаціи войскъ, дѣйствовавшихъ при усмиреніи польскихъ мятежниковъ. Слухи эти, статья можетъ, были основаны на частныхъ безпорядкахъ; но причину и такого грустнаго явленія надо искать не въ отсутствіи формализма, котораго между войсками, расположенными въ царствѣ Польскомъ, было мало, а въ самомъ характерѣ войны, главное же въ томъ фальшивомъ положеніи, въ которое были поставлены войска при самомъ началѣ польскаго движенія. Когда загорѣлась война, солдаты стали сводить съ поляками свои старые счета.

Въ Кельцахъ, послѣ бодзентыновскаго нападенія, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, обнаружилась эта характерная черта кампаніи; но прямымъ послѣдствіемъ ея была не деморализація, а тѣ военные подвиги, тѣ суворовскіе переходы, которые доставили келецкому гарнизону столь справедливую извѣстность во всемъ царствѣ Польскомъ. Но и здѣсь, помимо признанія каждымъ святою своего долга, на боевыя качества, на духъ, одушевлявшій войска, прежде всего и больше всего имѣло вліяніе само военное общество, тѣсно сблизившееся и сочувственно отно-

связшееся ко всему, что могло поднять и развить нравственную силу солдата. Это сочувствіе оказывалось и въ торжественныхъ встрѣчахъ отрядовъ, возвращавшихся изъ экспедиціи, и въ посвященіи госпиталей дамами, и въ военныхъ почестяхъ, отдаваемыхъ убитымъ (*). Кельцы въ этомъ случаѣ могли служить примѣромъ для другихъ городовъ. Въ Радомѣ уже не было такого сближенія между военнымъ обществомъ и потому жизнь тамъ шла скучнѣе и официальнѣе. Впрочемъ, ни Радомъ, ни другіе города, ни въ какомъ случаѣ и не могли идти въ паралель съ вѣчно-оживленными, вѣчно-оригинальными Кельцами.

Посреди всеобщаго затишья, однообразная наша жизнь нарушена была только двумя происшествіями: это были казнь Гузовскаго и бунтъ, произведенный арестантами въ хинцынскомъ тюремномъ замкѣ.

Въ келецкомъ острогѣ содержалось болѣе пятисотъ человѣкъ однихъ военнопленныхъ, не считая прочихъ арестантовъ гражданскаго вѣдомства, а потому часть послѣднихъ была переведена въ Хинцыны, куда, вмѣстѣ съ ними, отправлена и келецкая инвалидная рота. Старички-инвалиды были не совсѣмъ надежнымъ прикрытіемъ; но повстанцы ни разу и не пытались отбивать у нихъ арестантовъ, въ числѣ которыхъ, какъ мы узнали впоследствии, были люди, истинно-преданные нашему правительству и судимые по ложнымъ наговорамъ и донесеніямъ помѣщиковъ, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ повстанцевъ.

Однажды ночью, когда въ особенности нельзя было предвидѣть никакихъ воинственныхъ замысловъ со стороны поляковъ, мы были разбужены необыкновенною суматохою въ городѣ. Что такое? Бунтъ въ Хинцынахъ! Пришло извѣстіе, будто возмущившіеся арестанты напали на инвалидную роту, отняли у нея ружья и предаются въ мѣстечкѣ всевозможнымъ неистовствамъ. Эскадронъ драгуновъ тотчасъ же поскакалъ въ Хинцыны; съ счастію, донесенія оказались преувеличенными. Все

(*). Въ Кельцахъ хоронили убитыхъ всегда съ такими церемоніями, что поляки никакъ не могли помириться съ мыслию, „что это потребность простыхъ солдатъ“; они полагали, что мы хоронимъ офицеровъ и вели имъ самый аккуратный счетъ. Впоследствии „Часъ“ публиковалъ даже сколько именно у насъ убито и похоронено офицеровъ. Цифра вышла почтенная. „Часъ“, о потерѣ въ нижнихъ чинахъ, ничего не говорилъ, остроумно замѣтивъ только, „что это секретъ самихъ москалей“, которые зарываютъ убитыхъ солдатъ тотчасъ по окончаніи боя такъ тщательно, что сами войска иногда не знаютъ настоящей цифры своей потери: иначе, это очень вредно поддѣйствовало бы на ихъ нравственную сторону.

пронесеніе окончилось даже траги-комическою сценою. Дѣло въ томъ, что противъ возмущившихся арестантовъ выдвинули инвалидную команду: старики открыли огонь, да такъ неудачно, что никого ни убили, ни ранили, а между тѣмъ, разстрѣляли всѣ патроны, крикнули: гвалтъ! и были выручены евреями, сбѣжавшими на крикъ съ камнями и дреколѣями. По усмирении арестантовъ, въ Хинцыны послали каковую-то линейную роту.

Вскорѣ послѣ этого въ Кельцахъ была совершена казнь инсургента, Осипа Гузовскаго, приговореннаго къ висѣлицѣ въ качествѣ палача тридцати нашихъ жертвъ, въ томъ числѣ и капитана Никифорова (*). Дѣло о Гузовскомъ было окончено давно, но для приведенія въ исполненіе приговора мы требовали присылки палача изъ Варшавы. Намъ отвѣчали, что эти „maistera sprawedliwosci“ постоянно содержатся въ варшавской цитадели и предложили обойтись домашними средствами. Пришлось самимъ сочинить церемоніалъ казни и употребить въ дѣло гицлей (**).

Не помню, какого именно числа казнь была объявлена официально. Въ этотъ день народъ съ ранняго утра сталъ стекаться огромными толпами за радомскую заставу, гдѣ была поставлена висѣлица. Въ городѣ были заперты всѣ лавки. Начальникъ „мяста“ обнародовалъ даже декретъ, которымъ приглашалъ толпы сохранить порядокъ и въ часъ, назначенный для казни, собираться въ костелы, гдѣ „odprawі się zaobne nabozenstwo“. Костелы дѣйствительно были полны и въ нихъ служились заупокойныя литіи.

Къ девяти часамъ утра висѣлица была окружена войсками, а вслѣдъ затѣмъ показалась, тихо подвигавшаяся, позорная, обитая трауромъ колесница, на которой сидѣлъ преступникъ вмѣстѣ съ духовникомъ, напутствовавшимъ его послѣдними отходными молитвами. Преступникъ молча выслушалъ свою конфирмацію, молча поклонился народу и твердою поступью взошелъ на эшафотъ.... Рассказываютъ, что онъ до послѣдней минуты былъ убѣжденъ въ помилованіи, потому что всецѣмъ, желая придать осужденному болѣе душевной твердости, скрылъ отъ него истину, увѣривъ, что надъ нимъ будетъ совершенъ

(*) Гузовскій былъ взятъ въ плѣвъ 24-го апрѣля въ дѣлѣ отряда подполковника Насѣина съ шайкой Чаховскаго, подъ Жечневомъ.

(**) Специальное занятіе гицлей есть истребленіе въ городахъ бродячихъ собакъ.

только обрядъ казни. Подобныя продѣлки духовенства, конечно, не заслуживали бы сильнаго порицанія, если бы въ основаніи ихъ лежало человѣколюбивое чувство, а не преступное желаніе выказать передъ народомъ героизмъ тѣхъ, которые, будто бы, съ охотою, какъ древніе христіанскіе мученики, шли на казнь „за святое дѣло ойчизны“.

Вооруженное возстаніе замѣтно утикаетъ; повстанцы, правда, еще заявляютъ о своемъ существованіи нападеніями на проходящія почты, но о большихъ вооруженныхъ шайкахъ ничего не слышно. Вотъ какъ описываетъ состояніе въ это время край одинъ изъ офицеровъ, сопровождавшихъ генералъ-лейтенанта Ушакова во время обратной поѣздки его изъ Кельца въ Радомъ:

„Мы выѣхали изъ Кельца 12-го іюля вмѣстѣ съ отрядомъ изъ трехъ ротъ Смоленскаго полка и эскадрона екатеринославскихъ драгуновъ. Пѣхота выступила изъ города въ шесть, а эскадронъ, сопровождавшій генерала, въ десять часовъ утра. Мы ѣхали попеременно то шагомъ, то рысью: въ серединѣ—экипажи, по сторонамъ шоссе—драгуны. Пѣхоту нагнали уже недалеко отъ Сухаднева. Быстро ходятъ смоленцы! День былъ хорошій. Выйдя изъ экипажей, мы пѣшкомъ приближались къ Сухадневу. Вотъ остатки моста, сожженнаго при началѣ возстанія.... Вотъ наконецъ и самый Сухадневъ. Мѣстечко разбросано отдѣльными строеніями на огромномъ пространствѣ; только въ центрѣ этого пространства сгруппировалось нѣсколько каменныхъ зданій около костела. Повсюду чернѣютъ обгорѣвшія печи, единственные указатели существовавшаго нѣкогда строенія. Вдали чернѣетъ лѣсъ, огромный, примыкающій къ извѣстному Илженскимъ лѣсамъ, главнымъ притонамъ кочующихъ бандъ. Пустота и безжизненность поражающія; нигдѣ ни души, точно все вымерло отъ какой-нибудь заразы. Невеселая картина!

„У почтовой станціи отрядъ остановился отдохнуть часа на два. Съ низкими поклонами почмейстеръ встрѣтилъ генерала.

— Падамъ до ногъ, пане енерале.

— А кто разбилъ почту? — За день или за два передъ этимъ здѣсь была разбита почта, ѣхавшая изъ Радома въ Кельце.

— Ницъ не вѣмъ, пане енерале.

- Были адѣсь повстанцы?
- Два два тому назадъ были.
- Много?
- Человѣкъ съ двадцать проѣхали рано по утру.
- Кто они?
- Одѣты были въ чамаркахъ, а кто такіе—не знаю.
- Куда же они поѣхали?
- Ницъ не вѣмъ, пане емерале.

„И это постоянные стѣвты: чего-нибудь болѣе положительнаго добиться было трудно. На станціи мы завтракали; кромѣ жиденькаго молока ничего не достанешь.

„Черезъ два часа отправились въ дальнѣйшій путь. Почти до самаго Шидловца, по обѣимъ сторонамъ шоссе тянутся большіе лѣса. Со стороны Шидловца ѣдутъ двѣ крестьянскіе подводы.

— Откуда! спрашиваетъ генераль у передняго возничаго, крестьянина лѣтъ шестидесяти.

— Съ Шидловца, пане емерале.

— Что же, видѣли повстанцевъ?

— Нѣтъ, пане емерале, никого не видѣли: мы желѣзо возили въ Шидловець.

— Вы сами откуда?

— Съ Вонхоцка.

— А тамъ есть повстанцы?

— Нѣтъ, пане емерале, никого не видѣли.

— И мимо они не проходили?

— Проходить проходили.

— Много?

— Кто ихъ знаетъ: може человекъ съ двадцать или съ тридцать.

— А больше ничего не знаете?

— Ничего не знаемъ, пане емерале.

— Провѣжайте.

„Крестьяне очень запуганы жандармами-вѣншателями и, какъ видно по образчику предъидущаго разговора, отъ нихъ трудно добиться какого-нибудь указанія на мѣстопребываніе повстанцевъ. На всемъ пути отъ Кельца до Шидловца мы не встрѣтили ни одного проѣзжаго, за исключеніемъ двухъ-трехъ крестьянскихъ подводъ, да почтовой кареты.

„Часовъ въ шесть вечера мы пріѣхали въ Шидловець. Это

небольшое, населенное почти исключительно евреями мѣстечко, известное по нападенію, произведенному здѣсь на могилевцевъ въ ночь съ 10-го на 11-е января. Въ высокомъ деревянномъ крестѣ, стоящемъ около Шидловца видно нѣсколько тулъ, засѣвшихъ тамъ во время ночной перестрѣлки. Въ Шидловцѣ мы ночевали, а на другой день, часовъ въ восемь, отправились въ Радомъ. Отсюда идетъ шоссе до самаго Радома по мѣстности открытой, почти безопасной отъ нечаяннаго нападенія изъ-за засады. Правда, въ Ораньскѣ, первой станціи отъ Радома, верстахъ въ пятнадцати, недавно разбили почту, но оказалось, что это было дѣломъ навихъ-то четырехъ мальчишекъ—оборванцевъ, остановившихъ почтальона и разбившихъ почтовый ящикъ. Генералъ порядкомъ расщепъ ораньскаго почмейстера, твердившаго по обыкновенію, „лицъ не вѣмъ, пане енерале...“

По отъѣздѣ генерала Ушакова изъ Кельца, генералъ-майоръ Ченгери отправился инспектировать войска въ Опатовскій, Стопницкій и Сандомірскій уѣзды. Въ юнвоировалъ въ пути 3-й эскадронъ Новороссійскаго полка. Во время повѣдки получено было извѣстіе, что въ Дилошницахъ показалась шайка Богуша (*), но что легучій отрядъ, посланный изъ Сташова, подъ командою поручика Мохова, началъ на нее и безостановочно преслѣдуетъ въ продолженіе 26 часовъ. Потомъ мы узнали, что результаты преслѣдованія вышли ничтожныя (**), и генералъ Ченгери тотчасъ отправилъ конвойный эскадронъ на поиски, въ пространствѣ между Хвицыми, Собковымъ и Вулькой-Клудкою. Драгуны настигли Богуша 22-го іюля за д. Бжезно, имѣли съ нимъ перестрѣлку и захватили 7 лошадей.

Все это было однакожъ совсѣмъ не то, чего отъ насъ ожидали и требовали въ Радомѣ. Какъ только извѣстіе о появленіи Богуша дошло до генералъ-лейтенанта Ушакова, къ полковнику Звѣреву немедленно полетѣла застава слѣдующаго содержанія: „Неоднократно было предписываемо милоу обратить особенное вниманіе и усердіе къ поимкѣ этой шайки, хозяйничающей во вѣренномъ намъ отдѣлѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Богушъ постоянно пробѣгаетъ всѣ лучшіе города Стопницкаго уѣзда, а между тѣмъ, противъ него не предпринимается никакой рѣ-

(*) Шайка эта состояла изъ 50 всадниковъ и была уже разбита разъ (10 іюня) подъ Котлицею драгунами капитана Яковлева.

(**) Богушъ потерялъ 4 человекъ пѣхными и 15 лошадей.

пительной мѣры". Предписывалось въ заключеніе немедленно составить нѣсколько новыхъ отрядовъ и истребить эту шайку непремѣнно до послѣдняго человѣка.

Полковникъ Захревъ просилъ содѣйствія генераль-маіора Ченгери; но пока бумага ходила изъ Радожа въ Сташовъ и изъ Сташова въ Кельце, шайка Богуша уже не существовала: она была разбита на голову летучимъ отрядомъ подполковника Загряжскаго.

Отрядъ этотъ, состоявшій изъ полуэскадрона лейбъ-эскадрона Новороссійскаго полка и 15 казаковъ, выступилъ изъ Кельца, по распоряженію генерала Ченгери (*), 31-го іюля и, напавъ въ Тарно-Скалахъ на свѣжіе слѣды проходившихъ повстанцевъ, преслѣдовалъ ихъ до самаго берега Ниды. Здѣсь слѣды совершенно прекратились, но на томъ берегу, въ сторонѣ отъ дороги, торчала какая-то деревушка.... Поручикъ Бекъ-Узаровъ поскакалъ туда съ казаками и узналъ, что жители въ самую полночь были разбужены свѣлымъ лаемъ собакъ и шумомъ, происходившимъ вѣроятно отъ того, что по-за деревнею шли конные повстанцы.... Когда спросили объ этомъ помѣщика, онъ подтвердилъ тоже самое.

— Значить, мятежники прошли къ Хробже?

— Что вамъ спрашивать: вы знаете это лучше меня, отвѣчалъ помѣщикъ, видимо опасаясь быть съ нами черезъ-чуръ откровеннымъ.

Дѣйствительно, только что отрядъ подошелъ къ Хробже, какъ въ сторонѣ раздался сигнальный выстрѣлъ. Пикеть! Пикеть! зашумѣли драгуны, и весь отрядъ, повернувъ въ глухіе, почти непроходимые овраги Хробженскаго лѣса, понесся карьеромъ.... Въ ту же минуту показались повстанцы, скакавшіе уже въ разныя стороны. Здѣсь и тамъ раздавались ружейные выстрѣлы, кое-гдѣ завязались рукопашныя схватки, но поляки защищались слабо и были преслѣдуемы до наступленія вечера.... Сколько было убито при этомъ повстанцевъ, опредѣлить трудно; но въ вашихъ рукахъ остались 8 человѣкъ плѣнныхъ, 31 лошадь, 40 пикъ и почти столько же сабель,

*) Въслѣдъ за возвращеніемъ генераль-маіора Ченгери въ Кельце, 4-й эскадронъ Новороссійскаго полка отправленъ былъ въ Сташовъ, гдѣ поступилъ въ распоряженіе военнаго начальника Стопницкаго и Сандомирскаго уѣздовъ, а на мѣсто его, въ составъ велецкаго горизона, прибылъ, 25-го іюля, лейбъ-эскадронъ, послѣ полугодной кордонной службы на берегахъ Вислы.

ружей и пистолетовъ.... Самъ Богущъ ушелъ съ 15 всадниками и впоследствии поступилъ въ шайку Хмельянского.

Когда окончилось дѣло, драгуны собрались къ есауварту Бугай и стали подъ горной, тамъ, гдѣ были бивуаки матежниковъ. Въ это самое время, къ общему удивленію, сюда подкатила пароконная бричка. Господина, сидѣвшаго въ ней, тотчасъ пригласили выйти. Онъ оказался пинчовскимъ гимназистомъ, ѣздившимъ, по порученію Богуща, въ Дялошицы, откуда привезъ съ собою пачку революціонныхъ газетъ, превосходныя закуски и цѣлую корзинку національныхъ конардъ, презентованныхъ повстанцамъ прекрасными дялошицкими поляками (*).

Вѣсть о пораженіи Богуща скоро разнеслась по сосѣднимъ деревнямъ. Многіе ей искренно вѣрили, другіе сомнѣвались, пока своими глазами не увидѣли драгуновъ, возвращавшихся домой съ цѣлымъ арсеналомъ неприятельскаго оружія, съ отбитыми коями и небольшимъ числомъ уцѣлѣвшихъ отъ побоища плѣнныхъ.... Имя Богуща однако по прежнему продолжало устрашать малодушныхъ. Драгуны убѣдились въ этомъ слѣдующимъ образомъ: проходя ночью черезъ одну деревню, они постучали въ окно помѣщичьяго дома и крикнули:

— Пару коней для пана Богуща—прендзи!.... (**)

— Заразъ, заразъ, мой пане, посылаюся чей-то испуганный голосъ, въ домѣ зажглись огни и поднялась суматоха.... Черезъ три-четыре минуты ворота уже растворились настежь, изъ нихъ вылетѣла бричка и остановилась, встрѣченная общимъ хохотомъ драгуновъ.

Пока Загряжскій ходилъ за Богущемъ, въ Кельцахъ получено было извѣстіе о молодецкомъ дѣлѣ нашихъ партизановъ съ конною шайкою Грабовскаго, которая, какъ мы упомянули, бѣжала изъ дѣсовъ Опочинскаго уѣзда за Пилицу (***) и тамъ была настигнута 25-го іюля между Осовцами и Забаровымъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ передать никакихъ подробностей самаго дѣла, въ которомъ, кромѣ партизановъ, участвовалъ

(*) Драгуны, между прочимъ, нашли огромную бутылъ, брошенную матежниками; она была наполнена какою-то жидкостью, въ которой лежала большая черная змѣя. Ходила молва, что нѣсколькихъ капель такого настоя довольно, чтобы отравить самую сильную лошадь; но слухъ этотъ оказался сказкой: поляки употребляли этотъ настой для леченія раненыхъ товарищей.

(**) Prędzi—скорые.

(***) Послѣ дѣла 24-го іюня съ отрядомъ маіора Шомальскаго.

снѣ и отрядъ подполковника Кульгачева (эскадронъ волынскихъ улановъ и 70 казаковъ); по результатамъ его были тѣ, что Ассіовъ и Мѣдиновъ привели въ Радомъ 65 осѣдланыхъ лошадей и привезли множество оружія, снятаго съ убитыхъ повстанцевъ. Потеря партизановъ была ничтожная: она состояла изъ одного раненаго драгуна и шести лошадей.

Замѣчательно, что это истинно-молодецкое дѣло, достойное вниманія и по огромнымъ потерямъ, понесеннымъ въ немъ мятежниками, и по необыкновенной быстротѣ марша (кавалерія въ 18 часовъ сдѣлала болѣе ста верстъ, неостанавливаясь даже вѣноктъ лошадей), прошло незамѣченнымъ, благодаря слѣдующему обстоятельству, поднявшему на ноги большую часть войскъ Радомскаго отдѣла.

Въ полдень 28-го іюля, въ Радомъ получена была вѣстафета отъ подполковника Голубова, который доносилъ, что майоръ Непенинъ прислалъ ему словесное извѣщеніе о переправѣ изъ Галиціи, близъ Завихвостья, двухъ тысячъ пятисотъ мятежниковъ, и что, вслѣдствіе того, онъ съ одною ротою Галицкаго полка и 50 казаками выступилъ уже къ Завихвостью.

Въ Радомъ тотчасъ сдѣлали распоряженіе, чтобы отряды изъ Сольца, Зволена и Вержбниа двинулись форсированнымъ маршемъ на помощь къ подполковнику Голубову, а генераль Ченгери съ своей стороны призналъ необходимымъ направить изъ Кельца два сильные отряда съ артилерією: одинъ по дорогѣ на городъ Опатовъ, чтобы пересѣчь мятежникамъ пути во внутрь края, а другой въ Сташовъ, на усиленіе полковника Звѣрева, въ случаѣ если бы непріятель обратился на него со всеми своими силами.

Но едва окончены были всѣ распоряженія и войска тронулись, какъ оказалось, что это была вторая фальшивая тревога.... Тамъ не менѣе быстрое прибытіе отрядовъ на угрожаемые пункты не осталось для насъ совершенно безслѣднымъ: молва объ этомъ прошла далеко по Галиціи; страхъ былъ пущенъ и моръ послужитъ оградой на будущее время.

Нетто.

(Продолженіе будетъ.)